

Исторический журнал: научные исследования

Правильная ссылка на статью:

Сорокина А.А. Информационный потенциал переписных книг Дорогобужского уезда 1650-1670-х годов // Исторический журнал: научные исследования. 2025. № 5. DOI: 10.7256/2454-0609.2025.5.75726 EDN: YRUCLT URL: https://nbpublish.com/library_read_article.php?id=75726

Информационный потенциал переписных книг Дорогобужского уезда 1650-1670-х годов

Сорокина Анастасия Андреевна

ORCID: 0000-0003-2940-7579

аспирант; исторический факультет; Московский государственный университет им. М.В. Ломоносова специалист по учебно-методической работе; кафедра истории России до начала XIX века, исторический факультет; Московский государственный университет им. М.В. Ломоносова

119234, Россия, г. Москва, р-н Раменки, тер. Ленинские Горы, д. 1Б

[✉ sorokina1999@yandex.ru](mailto:sorokina1999@yandex.ru)

[Статья из рубрики "Исторические источники и артефакты"](#)

DOI:

10.7256/2454-0609.2025.5.75726

EDN:

YRUCLT

Дата направления статьи в редакцию:

01-09-2025

Дата публикации:

09-09-2025

Аннотация: В статье предпринимается попытка оценить возможности переписных книг Дорогобужского уезда 1659, 1668 и 1678 гг. как источников по истории социально-экономической интеграции Смоленского региона, вновь вошедшего в состав Московского государства по итогам русско-польской войны 1654–1667 гг. Данные переписные книги охватывают земельные владения монастырей и различных категорий местного служилого населения – практически всю территорию уезда, кроме дворцовых земель. В работе оценивается информационный потенциал каждой книги в отдельности по вопросам количества и социального состава землевладельцев, типологии земельных владений, учёта дворов и душ тяглого населения, административно-территориального деления уезда, фиксации поселений, пустошей, пахотной земли и других

сельскохозяйственных угодий, подведения итогов переписи. Методология исследования заключается в применении системного подхода. Весь объём текста переписных книг был систематизирован, в результате чего определены базовые единицы описания и типы собранных данных. Сравнение набора данных во всех трёх книгах позволило заключить, на чём акцентировали внимание переписчики в каждом случае, и поставить вопрос о причинах подобного внимания. Хотя книги по Дорогобужскому уезду уже становились предметом источниковедческого исследования, наблюдения предшественников были основаны главным образом на итогах переписей. Новизна предлагаемой статьи состоит в том, что был полностью проанализирован первичный материал переписных книг. Массив данных не сразу поддаётся полной формализации, поскольку содержит разнообразные и не всегда регулярно сообщаемые сведения. Тем не менее удалось показать, что книги предоставляют широкие возможности для изучения динамики светского (особенно шляхетского) и монастырского землевладения, численности и социальной структуры землевладельцев Дорогобужского уезда второй половины XVII в. Дальнейшего рассмотрения заслуживают найденные сведения о землевладении шляхтичей и представителей московских служилых чинов. Установлено, что локации переписных книг вполне можно картографировать в геоинформационных системах, несмотря на сложное, неустойчивое административно-территориальное деление уезда. В ходе работы также были сделаны предварительные выводы о целях проведения переписей 1659, 1668 и 1678 гг. в контексте политики интеграции Смоленщины в состав России.

Ключевые слова:

переписные книги, подворные переписи, писцовые книги, податное население, локация, смоленская шляхта, Смоленский регион, Дорогобужский уезд, русско-польская война, интеграция территорий

Введение

В первый год русско-польской войны 1654–1667 гг. под контролем московских войск оказалась значительная часть Смоленского воеводства Великого княжества Литовского. Поскольку шла речь о возвращении утраченных в Смуту земель, изначально предполагалось, что они не будут отданы Речи Посполитой после наступления мира, и российская администрация крепко держала Смоленщину в своих руках. Такое положение дел было зафиксировано сперва Андрусовским перемирием 1667 г. и окончательно — Вечным миром 1686 г.

Во время и после войны перед властями всталая проблема интеграции новых территорий. Местным землевладельцам предлагали переходить на русскую службу, и большинство из них согласилось. Но пути вхождения локальных служилых корпораций в социальную структуру Московского государства ещё предстояло определить — во-первых, установить служебный статус представителей смоленской шляхты и других локальных воинских сообществ. Во-вторых, требовалась грамотная земельная политика, которая могла бы обеспечить лояльность новых подданных и возможность эффективного несения ими службы.

В историографии справедливо утверждается, что правительство в основном подтверждало права и привилегии местных шляхтичей, казаков, пушкарей и иных служилых людей [1, с. 24; 2, с. 36]. Неудивительно поэтому, что локальные воинские

формирования, присягнувшие царю Алексею Михайловичу, участвовали в боевых действиях наравне с русскими полками и постепенно включались в структуру вооружённых сил Московского государства [3; 4]. Предпринимаемые по отношению к ним меры отчасти освещены в историографии [1; 5; 6].

Между тем отражение этой политики на социально-экономическом развитии Смоленщины ещё ждёт своего исследователя. В работах советского периода были получены общие показатели динамики землевладения в Смоленском регионе и его уездах, основанные на итоговых данных массовых источников [7; 8, с. 139–142]. Современные авторы обращаются к административно-территориальным единицам более низкого уровня и работают с первичным материалом самых разнообразных источников. Так, Ю. В. Степанова показала детальную картину землевладения в волостях Бельского уезда [9; 10], а В. С. Курмановский подробно реконструировал поземельную историю гнёздовского микрорегиона Смоленского уезда [11, с. 245–251].

В продолжение этой тенденции логично обратиться к изучению состояния землевладения на остальной территории Смоленского региона в первые три десятилетия русского подданства — в период становления обособленного положения Смоленщины, сохранившегося с небольшими изменениями вплоть до эпохи Екатерины II.

Основными источниками исследования должны стать переписные книги по соответствующим территориям. Эти комплексы описаний земли и учёта населения Смоленщины уже становились предметом источниковедческого исследования, в результате которого было высказано сомнение в возможностях переписных книг как источника по истории землевладения данного региона [12, с. 256]. На наш взгляд, наличие таких современных средств обработки данных, как электронные базы данных и геоинформационные системы, позволит относиться к указанным источникам с меньшей долей скепсиса. Поэтому есть все основания заново оценить возможности и ограничения переписных книг Смоленской земли как исторических источников, безусловно, не пренебрегая выводами предшественников.

Переписи по отдельным уездам, волостям или владениям проводились со второй половины 1650-х по 1690-е гг. По интересующему нас периоду сохранились переписные книги 1659, 1668 и 1678 гг., охватившие территории, принадлежавшие служилым людям, высшему духовенству и монастырям Дорогобужского уезда [13; 14; 15]. Его территория достаточно велика, чтобы можно было исследовать сложные процессы, связанные с землевладением, и в то же время сравнительно компактна (по сравнению с Бельским и, тем более, Смоленским уездом), что даёт реальную возможность охватить необходимый комплекс материалов. Что касается отсутствия описания дворцовых земель, оно не должно привести к большой погрешности выводов, поскольку, по расчётам Я. Е. Водарского, площадь пашни в дворцовых владениях Дорогобужского уезда составляла 3% уездной пахотной земли, в то время как пашня за «помещиками» и духовенством вместе — 97% площади уездной распашки (около 6% всей территории уезда) [8, с. 141]. Других книг значительного объёма, охватывающих территорию всего уезда (хотя бы согласно заголовку) пока найти не удалось. Следующие масштабные переписи проводились уже в XVIII в. [12, с. 256–257], когда, как представляется, система землевладения на Смоленщине уже носила устойчивый характер.

Таким образом, в статье будут охарактеризованы возможности переписных книг 1659, 1668 и 1678 гг. Дорогобужского уезда как исторических источников.

Методы

Для работы с данными любых массовых источников необходимо представить их в систематизированном виде. Переписные книги являются лишь частично формализованной информацией. Формуляра в строгом смысле слова они не имели, но их структура должна была более или менее определяться наказом переписчикам и традицией составления [16, с. 7; 17, с. 86–90; 18, с. 287–292]. Поиск и — в случае его успешного исхода — анализ наказов по Дорогобужскому уезду станет предметом отдельного исследования.

При первом приближении структура рассматриваемых книг достаточно однородна, но устойчивостью от первого до последнего листа не обладает. В её основе лежат повторяющиеся элементы, например, статус землевладельца, тип поселения, категория дворовладельца, вид сельскохозяйственного угодья. Эти категории в источниках эксплицитно не названы, поэтому необходимо делить весь массив данных трёх книг на конкретные типы, и для каждого из них определять диапазон значений в 1659, 1668 и 1678 гг. Таким способом можно выявить общие черты и индивидуальные особенности каждой переписной книги.

Как видится, установленная типология позволит уточнить сведения о цели проведения каждой переписи. Кроме того, конкретно оценив содержание источников, можно будет рассуждать о возможностях и направлениях конкретно-исторических исследований на их основе.

Структура и содержание переписных книг

Цели проведения переписей (предварительные замечания)

Выбранные книги сохранились в РГАДА, в составе фонда Поместного приказа, хотя в поземельном отношении Смоленщина никогда ему не подчинялась. Во время русско-польской войны управление занятymi территориями осуществлялось через приказ Великого княжества Литовского (конец 1656 – 1667 г.) [19, с. 229], по наказу которого Фёдор Игнатьев и Василий Борисов и отправились проводить перепись 1659 г. Они должны были обязательно собрать владельческие сказки и полностью описать владения в Дорогобужском уезде: все поселения, а в них — все крестьянские и бобыльские дворы, поимённо указав каждого их обитателя, а также отметив рыбные ловли и мельницы (о пашне речи не было) [13, л. 593-593об.].

С Андрусовского перемирия установилось относительно единообразное управление закреплёнными за Московским государством уездами, которое осуществлял особый орган, неоднократно менявший своё название и место в приказной иерархии (с 1673 г. — приказ княжества Смоленского) [19, с. 242]. Но, что касается переписной книги 1668 г., её составляли голова смоленских стрельцов Даниил Карпович Чернцов и капитан солдатских полков Василий Чернцов [1, с. 26]. В источнике нет вводной, «программной» части, поэтому о цели проведения переписи можно судить только по косвенным сведениям. Представляется, что по окончании войны московская администрация хотела создать прочную и однозначную правовую базу землевладения на территории окончательно вошедших в состав России уездов, и поэтому переписчики стремились описать земли и переписать население в мельчайших подробностях.

Переписная книга 1678 г. была составлена «по наказу ис приказу княжества Смоленского». Михаил Гольцов вместе с дорогобужскими посадскими целовальниками

переписал податные дворы в служилых и монастырских землевладениях Дорогобужского уезда, а во дворах — поимённо тяглое население, затем собрал за 1677/78 г. «подымной хлеб с прибыльных дворов, которые объявились в лишках сверх дорогобужских платежных книг» [15, л. 1-106]. Итог подобной переписи и сбора в историографии называют книгой «сбору подымного хлеба», переписной книгой по форме, но составленной с узкой целью вести учёт сбора хлебного налога на соответствующий год, что позволяло зафиксировать не только экономически состоятельные, но и неимущие дворы, а также «прибыльные». По мнению Е.Б. Французовой, для непосредственного сбора хлеба переписчики обязаны были самостоятельно обойти и описать дворы, и сделать это было вполне реально [12, с. 252-253].

Внутренние административно-территориальные единицы

В литературе утверждается, что административно-территориальное деление Смоленского региона в XVII в. было крайне неустойчивым [20, с. 80]. С начала века 13 или 14 станов Дорогобужского уезда в сложном переплетении с волостями прошли через польский период, чуть сократив своё количество, но дополнившись лавничествами (королевскими, выморочными и нерозданными землями). Часть юго-восточных земель уезда переходила к Вяземскому и обратно [21, с. 12-15]. Во второй половине XVII в. число станов сократилось, а их структура стала проще. Последнее уменьшение их количества — до 6 — произошло между переписями 1678 г. и 1716 г. [20, с. 82].

Обратимся к нашим источникам. Если в итогах книги 1659 г. указано 12 станов (Биятинский, Неговский, Пауский, Великопольский, Троицкий, Семлевский, Ведровский, Клигинский, Сицкий, Кременецкий, Посаренский, Безювский) [13, л. 746об.], то в 1668 г. перечислены 8 станов: Биятинский, Неговский, Пауский, Великопольский, Троицкий, Семлевский, Ведровский, Мстиславский [14, л. 106.]. Для 1678 г. наши наблюдения (9 станов: первые семь, как в прошлой переписи, и «новые» Бобыновский и Мутишинский [15]) совпадают с данными историографии [20, с. 87; 21, с. 15; 22, с. 237]. Кроме того, в источниках фигурируют волости: Озерицкая в Пауском стане [13, л. 672об.; 15, л. 89], Праслицкая — в Неговском [15, л. 87] и Княщинская — в Ведровском [15, л. 90].

Однако рассуждения о конкретных единицах были бы возможны, если бы при проведении переписи во главу угла было положено административно-территориальное деление. Материал источников внушает сомнение в этом. В тексте 1659 г. объекты переписи группируются, скорее, по владельцам (но отдельные личности повторяются в разных частях текста) и внутри каждого владения не всегда чётко отделяются друг от друга по станам. Однако прослеживается тенденция: сначала перечислить людей, у которых основная доля владений располагалась в Биятинском стане, и т. д. В 1668 г., напротив, названия станов вынесены в заголовки разделов, в которых записывались только владения, относящиеся к соответствующей административной единице. Если землевладелец имел сёла и деревни в нескольких станах, то в подходящих разделах его имя повторялось. В 1678 г. составитель итогового варианта книги объединял вокруг владельца описание его поселений из разных станов без разграничения последних.

Различные принципы комбинации поселений во всех трёх источниках доказывают, что книги, составленные ранее, не являлись приправочными для более поздних.

Как видится, писцам было важнее зафиксировать земельные права местного служилого населения, а внутренние территориальные единицы не играли в этом особой роли.

Предположим, что одни единицы являлись реликтом внутреннего деления дорогобужского служилого «города» досмутных времён, а другие представляли собой единые хозяйствственные комплексы (так, все указанные выше волости входили во владение крупного аристократа А.П. Салтыкова, отца будущей царицы Прасковьи).

Локализация отмеченных в источниках поселений и пустошей в геоинформационной системе с привлечением оцифрованных картографических материалов Генерального межевания и карт XIX–XX вв. позволит сделать более точные выводы относительно административно-территориального устройства уезда и его связи со структурой землевладения.

Типы владений

В переписных книгах 1659 и 1668 гг. за церковными владениями перечислены светские. В книге 1659 г. первые представлены землями одного монастыря, а вторые — поместьями и маेतностями (иногда «вотчинными маे�тностями»).

В переписи 1668 г. земли духовенства — это владения архиепископа и трёх монастырей. Светские владения обозначены как земля «за помещиками» [14, л. 40б.], но это отнюдь не подразумевало переход всего светского землевладения в уезде на поместную модель: в списке «помещиков» большинство составляют смоленские шляхтичи. Известно, что шляхта Смоленского региона при переходе на русскую службу сохраняла за собой маे�тности (земельные пожалования короля Речи Посполитой), а позже получала от царя поместья. Юридически разные виды землевладения на практике игнорировались шляхтичами, желавшими распоряжаться всей своей землёй на правах частной собственности. Московские власти довольно скоро смирились с нарушением законов, но на бумаге поместья и маे�тности различали до появления указа 1701 г. об их уравнивании. В глазах русских властей маे�тности сближались с вотчинами, но в литературе нет свидетельств о том, что до 1701 г. первые назывались вотчинами [2, с. 34–39].

Второй аргумент в пользу того, что в книге 1668 г. под «помещиками» подразумевались не только собственно помещики, — это наличие в их рядах женщин. По русскому поместному праву они могли рассчитывать только на ограниченный «прожиток» после смерти отца или мужа при выполнении ряда условий [23, с. 141]. Сравнивая переписной материал за 1659, 1668 и 1678 гг., можно попытаться определить, смоленские шляхтянки в русском подданстве владели землёй как собственными маे�тностями или всё-таки довольствовались вдовьим «прожитком».

Наконец, в переписной книге 1678 г. категории владений обозначены только в пересказе инструкции для переписчиков: «в поместьях и в вотчинах всяких чинов людей за помещики и отчинники и монастырские маे�тности» [15, л. 1] , а в основном тексте не указываются.

Землевладельцы

Книги 1668 и 1678 гг. передают значительное разнообразие групп уездных землевладельцев. Указываются воинские чины местных служилых корпораций (шляхетской, казачьей, пушкарской) или полков «нового строя» (полковник, голова, полуголова, ротмистр, сотник, поручик), духовные чины (архиепископ). Наличие таких типов владельцев, как «полуголова московских стрельцов» [15, л. 116], свидетельствует о постепенном проникновении московских служилых людей в среду землевладельцев

Смоленского региона. Отмечаются также московские чины (стольник, жилец), придворные чины (путный ключник). Наконец, статус «изменника», фиксация которого показывает, что оставленная владельцем или отнятая государством маетность находится в фонде свободных земель и ещё не перешла в другие руки.

Относительно монастырского землевладения любопытно то, что в 1659 и 1668 гг. в качестве владельцев отмечены обители как таковые, а в 1678 г. — «строитель» монастыря, один [\[15, л. 43\]](#) или «с братией» [\[15, л. 109об.1\]](#).

В 1659 г., похоже, что переписчиков интересовал только вопрос, принадлежит ли вообще кому-то земля на момент переписи. В результате записанный набор «статусов» невелик («вотчинная маетность», «маетность», «помещик», «изменник», «казак», «монастырь»), но эти данные могут показать, как государство различало типы землевладения иногда даже в руках одного человека.

В основном, земельные владения находятся в одних руках, но нередки и случаи совместного (2–5 человек) владения равных по статусу лиц («за смоленскими шляхтичами за Яковом Хлевицким да за Лаврентием Богушевским» [\[14, л. 69об.1\]](#)) или близких родственников. Тогда выделяется «главный» или старший владелец: вдовушляхтянка с детьми [\[14, л. 55об.1\]](#), старший брат с младшими [\[14, л. 201об.1\]](#) или — единичный случай — отец с детьми [\[14, л. 181об.1\]](#). Причина подобного выделения, вероятно, состоит в неправоспособности детей, которые живут со старшими родственниками. Наконец, имеет место коллективное землевладение дорогобужских пушкарей или казаков.

С одной стороны, эти категории не образуют единой системы и, более того, указываются в переписных книгах не вполне последовательно и скрупулёзно. Такие данные могут стать основой для разработки сюжета о способах воображения социальных классификаций и идентичностей, которые могли формулироваться местными землевладельцами совместно с переписчиками. С другой стороны, поскольку материалы книг составляли правовую базу землевладения (по крайней мере, книги за 1668 г.), запись владельцев в одну категорию давала правительству возможность, при всех оговорках, воспринимать их как единую группу, как минимум, в рамках Смоленской земли.

Что касается антропонимии владельцев, то, как правило, фиксируются имена и фамилии, нередко в различной орфографии. Форма имени могла варьироваться, в случае с «изменником» использовалась сокращённая. Не исключено использование в одной книге католического, в другой — православного имени новообращённого шляхтича. Отчества записывались далеко не всегда, иногда отмечались в краткой форме. У княжеского семейства Соколинских указывался родовой титул.

Структура описания территории

В 1678 г., исходя из цели собрать хлеб с жилых дворов, записаны только поселения. В переписях 1659 и 1668 гг. внутри каждого владения выделялись самые разнообразные локации. Под этим термином подразумеваются базовые единицы описания территории, «различные типы поселений и пустоши», связанные общей хозяйственной деятельностью и отделённые от неосвоенного окружающего пространства (сами писцы никак их не называют) [\[18, с. 288–290\]](#). Близкое по смыслу понятие «урочище» использовать в данном контексте не получится, потому что оно встречается в переписных книгах как один из видов базовых единиц [\[14, л. 332об.1\]](#).

Характерная черта локаций, отделяющая их в тексте от географических объектов, — обособленность по принадлежности или географическому положению. К примеру, половина луки Ляховой, на которой крестьяне косили траву, пишется в иной части текста, нежели обычные безымянные покосы того же владельца. Другой половиной той же луки владели крестьяне дворцовых сёл [14, л. 77об.]. Если бы название не фиксировалось повторно и доля объекта во владении не отмечалась, то принадлежность этой части могла бы быть оспорена. Долевые локации необходимы для фиксации в базе данных именно доли поселения, если оно разделено между разными владениями. Или, например, многие пустоши расположены в тексте друг за другом, и на них находились покосы, имеющие одинаковую площадь. Несмотря на такое соседство, переписчики не считали их одной большой пустошью, а скрупулёзно перечисляли несколько малых. Возможно, пустоши были отделены друг от друга мелкими деталями ландшафта.

Другой важной чертой локации является наличие земли — непосредственно на территории локации или в тесной хозяйственной связи с ней. Например, церковь в честь Иоанна Крестителя в селе Усвятые имела собственную землю, отдельную от остальной части села, и на церковной земле располагались крестьянские и бобыльские дворы [14, л. 14-15об.]. Церковь Николая Чудотворца в селе Перстеньки располагала не только дворами, но и пашней, покосами, озером [14, л. 38-38об.]. В подобных случаях записывались две локации: село и церковь, тем самым показывалось отличие церкви-локации от церкви-здания.

Отдельные церковные здания также появлялись в тексте, если они находились в разрушенном состоянии («церквища»), но их описание располагается посреди перечисления мельниц, винокурен, рыбных ловель, озёр. Чаще всего за церквищами земли не предполагалось. Это доказывается следующим примером. Объектом в составе очередной локации названо «церквище старое, что было церковь Афонасия Александриского, а церковная земля за ним есть ли, того он (сельский священник — А.С.) не ведает» [14, л. 95-95об.]. Получается, что за действующей церковью должна была быть земля, но если один храм оказывался разрушен, духовенство стало служить в другом и не было надежды на восстановление первого, то его земля переходила в пользование другим землевладельцам и из владения священника могла попасть в руки светского землевладельца. По крайней мере в Центральной России до начала 1680-х гг. такая практика была распространена. Позже законодательно было закреплено, что выделенная храму земля переходит в его «вечное владение» и даже при запустении церковного здания не может быть отторгнута кем-либо [24].

Однако перепись 1668 г. была проведена до появления соответствующего приговора царя и Думы, и разрушенные церкви, видимо, утрачивали свои земельные участки. Здесь важно увидеть тонкую грань между «церквищем» и церковью, которая «стоит без пения». Во втором случае земля оставалась за локацией [14, л. 80], видимо, потому что храмовое здание было в сохранности, и при наличии священника богослужения могли быть возобновлены. В то же время имела место локация «место церковное», показывающая, что церковного здания уже не существовало, но земля всё равно «тянула» к некоему центру, и название церкви продолжало фиксироваться [14, л. 260об.]. Данные нюансы церковного землевладения и землепользования требуют особого рассмотрения.

Итак, можно выделить следующие типы локаций: деревня, село, сельцо, селище, церковь, место церковное, пустошь, починок, слободка, урочище, половина или треть

деревни/луки/пустоши/урочища, а также локации, в названии которых зафиксировано их недавнее прошлое: «деревня, что была село», «пустошь, что была деревня», «пустошь, что была слободка».

В переписных книгах часто сообщалось местоположение локаций: на реке, на ручье или «на суходоле». Иногда даже отмечалось положение локации относительно течения реки: «по обе стороны», «в верховье», «на истоке», «в устье»). Гидронимы могут значительно облегчить картографирование уездной топонимии, если, например, одноимённые поселения располагались по берегам разных рек.

Вышесказанное в большей степени относится к переписной книге 1668 г. Столь скрупулёзная фиксация всех хозяйственно-географических объектов может объясняться желанием московской администрации юридически закрепить за лояльной шляхтой и другими служилыми сообществами их владения, оценить масштаб запустения уезда за годы войны и определить возможности поместных раздач на свободных землях.

В 1659 г. положение дел было несколько иным. Исходя из названий уездов, результаты переписи которых сформировали с дорогобужской книгой общую архивную единицу хранения (Бельский, Велижский, Невельский, Усвятский), можно предположить следующее. В подчинённом к концу 1650-х гг. регионе российская администрация была настроена закрепить за местной шляхтой её прежние владения. Решение было весьма логичным в условиях начавшегося сопротивления «присяжной» шляхты разгулу на территории Великого княжества Литовского казачьих войск и «самовольных отрядов черкас и крестьян» и неспособности царских войск «прекратить эту войну между своими номинальными подданными» [25, с. 87]. Обеспечение минимальных земельных прав должно было сохранить лояльность шляхты московским властям, а детальное описание локаций в условиях войны, как представляется, было невыполнимо и не особенно нужно.

Население локаций

Описание податного населения в источниках занимает главное место, но имеет свои особенности в зависимости от книги. В книге 1659 г. далеко не у каждого двора указан тип жителей. Скорее всего, при его отсутствии подразумеваются крестьяне. Иногда словосочетание «крестьянские дворы» вынесено в начало описания поселения. В целом, число категорий податного и нетяглого населения невелико.

Напротив, в книге 1668 г. каждый двор записан за конкретной категорией населения: крестьяне, бобыли, задворные люди, священники, церковнослужители, ремесленники в широком смысле этого слова (плотники, рыбаки, мельники, кузнецы, скотники, нищие), обитатели монастырских дворов, монастырские служки и работники (отдельно от предыдущих). Кроме духовенства и церковного причта, у всех перечисленных категорий указано количество мужского населения дворов. Объяснение этой отметки для нетяглых задворных людей следует искать в их переходном положении во второй половине XVII в. В 1678 г. соблюдался тот же принцип при меньшем разнообразии типов населения.

Источники фиксируют и «помещичьи дворы» (под таким названием или бывшие крестьянские/бобыльские дворы, в которых живут землевладельцы).

Что касается обитателей отдельных дворов, в первых двух книгах указаны члены семей дворовладельцев (сыновья, «пасынки», «приимыши», внуки, братья, племянники, зятья, шурины) и не родственные им «захребетники» и «подсоседники», не нёсшие тягло по причине крайней бедности и проживавшие в чужих дворах [26, с. 121]. Особняком стоят

вдовы, временно ставшие во главе дворов (вероятно, на период малолетства детей мужского пола). Известно, что главный принцип переписных книг — фиксация налогоплательщиков, т. е. мужчин, поэтому вопрос о том, включены ли дворовладелицы в итоги переписных книг, заслуживает специального рассмотрения.

Опять же, в книге 1668 г. богаче набор видов родства. Фиксировалось имя, отчество в краткой форме, иногда прозвище главы семейства [\[16, с. 12\]](#), а его родственников — по мере необходимости.

Существенное различие заключается в том, что в книге 1659 г. ни у одного жителя не указан возраст, в то время как в книге 1668 г. он отмечен у многих. Возможно, это связано с назначением переписей. Переписные книги 1668 г. по всем уездам Смоленщины и ссылающиеся на них владельческие крепости впоследствии стали единственным юридическим основанием для прикрепления крестьян к тому или иному владельцу [\[27\]](#). Более ранние крепости объявлялись недействительными, поскольку до Андрусовского перемирия население в условиях войны могло добровольно или насильственно перемещаться на значительные расстояния. Поэтому был необходим дополнительный идентификатор, позволяющий быстрее находить в тексте записи о конкретных тяглых людях. Е. Б. Французова предположила, что возраст записывали только у детей, однако нам встретились упоминания 25-, 30-летних сыновей, у части которых были собственные дети [\[14, л. 116об.\]](#).

Также только во второй книге иногда фиксируется женатый статус сыновей — по нашим наблюдениям, тех, у кого нет своих детей. У имеющих потомство переписчики вдовствующее положение или наличие супруги не отмечено.

Переписная книга 1678 г. даёт существенно меньше информации о демографических показателях, чем рассмотренные выше книги. В абсолютном большинстве дворов указаны только имена и краткие отчества дворовладельцев. Изредка встречаются имена сыновей, братьев, зятьёв, подсоседников — конкретной логики таких упоминаний пока не установлено.

Очевидно, что в населённых пунктах появлялись заброшенные жилища. Их фиксируют книги 1668 г. и 1678 г., различая «пустые дворы» и «дворовые места». Первый термин указывает на сохранение, в целом, избы и хозяйственных построек, которые только ждут возвращения прежних хозяев или новых жильцов (ср. с церквями, которые стоят «без пения»). «Дворовое место» в свою очередь обозначает полное запустение двора, требующее постройки избы и организации хозяйства с нуля (по аналогии с «местами церковными»). Нерегулярно отмечаются имена бывших дворовладельцев. В книге 1668 г. приводятся также причины запустения дворов: бегство, смерть, переселение в другую деревню, перевоз или самостоятельный уход в другой уезд, проживание в одном дворе с родителями, уход в нищие или на промыслы в Дорогобуж, служба в стрельцах.

Полнота учёта населения зависела, в том числе, от проверки сказок на местах. По-видимому, в 1659 г. писцы вполне доверяли сказкам: в тексте книги постоянно встречается фраза «а по их сказкам...» [\[13, л. 595об.\]](#) и отсутствуют указания на какие-либо пробелы в них. В 1668 г., напротив, переписчики сначала самостоятельно описывали территорию, спрашивали крестьян о принадлежности владений, потом принимали от землевладельцев сказки и крепости [\[1, с. 26\]](#). Но даже скрупулёзная проверка сказок не давала полной гарантии, что в переписных книгах полно и достоверно передавались сведения о податном и, тем более, неподатном населении.

Хозяйственное окружение локаций

Размер каждого пашенного или сенокосного участка указывается только в книгах 1659 г. и 1668 г. Переписчики 1678 г. в силу другой цели составления книги собственно земельными вопросами не занимались.

Под пахотной землёй подразумевается только т. н. «пашню паханую». Несмотря на то, что этот термин почти не употребляется в исследуемых книгах, писцы имели в виду именно используемую в момент описания пашню, поскольку «перелог» и «лесом поросло» отмечены отдельно. В 1659 г. площадь пашни подсчитывали в общерусских четвертях или осьминах одного поля, «а в дву потому ж» [\[13, л. 595об.1\]](#). В книге 1668 г. четверти практически не упоминаются, основной подсчёт вёлся в местных единицах: жеребьях, волоках, службах, но встречаются осьмины, десятины, даже вёрсты и сохи (как единицы площади, но не сошного письма). Нет указания и на три поля, но, скорее всего, трёхполье подразумевалось. Подтверждением тому служит сенатский указ 1780 г., в котором по данным крепостей смоленских землевладельцев излагался перевод жеребья в десятину, и равенство оказывалось верным только при подсчёте в 3 полях [\[28\]](#).

Если сравнивать количество пашни в конкретном владении в 1659 г. и 1668 г. и на основе этого делать вывод, в скольких полях считали, подсчёт будет верен, только если за 9 лет между переписями не была распахана новая пашня. Стоит также помнить о том, что система подсчёта «в одном поле, а в дву потому ж» могла использоваться писцами механически при описании территорий, где не применялось трёхполье [\[16, с. 19\]](#). В связи с этим возникает вопрос, требующий дальнейшей разработки: насколько хорошо переписчики были знакомы с местными реалиями?

Следует признать, что реальные размеры пашни в полной мере по выбранным книгам установить невозможно, так как, во-первых, количество людей в писцовой команде могло быть недостаточным для точного обмера и самостоятельного описания всей пашни и угодий на больших территориях в условиях, когда нередко даже владельцы не знали площадь собственных земель [\[14, л. 40\]](#). Во-вторых, показанное выше многообразие единиц измерения усложняло работу. Таким образом, данные о количестве пашни оказываются несколько заниженными [\[12, с. 256\]](#).

Что касается угодий, в книге 1668 г. приведены, кроме покосов в копнах, размеры лесов в вёрстах условных «длинников» и «поперечников» [\[26, с. 129\]](#) (как будто они были идеальными прямоугольниками), иногда в вёрстах «кругом» [\[14, л. 51\]](#). Я. Е. Водарский отмечает, что в лесистых регионах, к которым принадлежала Смоленщина, писцы не были заинтересованы в получении точных цифр [\[8, с. 27\]](#). В одних случаях приводятся сведения о виде леса (бор, дубрава, «чёрный лес», т. е. еловый), в других — лес перемешан с пашней разной степени запустения и болотом, например, «лесу пашенного и непашенного и болота» [\[14, л. 65\]](#), «пашни, перелогу, болоту, лесу» [\[14, л. 229об.\]](#). Хотя очевидно, что это разные виды угодий, переписчики записали их вместе как лес, поскольку размеры указали в вёрстах. В таком случае отделить площадь «паханой» пашни от леса не представляется возможным.

В переписных книгах перечисляются хозяйствственные объекты: водяные и ветряные мельницы (во всех трёх переписях); мельничные плотины, рыбные ловли, шляхетские винокурни, в том числе пустые, озёра и заброшенная «рудня» (в 1668 г.). Возникает

вопрос о неземледельческих занятиях населения, но его решить довольно сложно, поскольку представители «промышленных профессий»: рыбаки, мельники, плотники и другие — встречаются на страницах источника очень редко. К тому же, сами данные о промыслах довольно отрывочны [\[12, с. 257\]](#).

Подтверждение земельных прав

Одним из наиболее заметных отличий переписной книги 1659 г. от книги 1668 г. является наличие во второй ссылок на сказки, отказные книги, жалованные грамоты, купчие, закладные, завещания, которые подтверждали владение той или иной локацией, — фактически приводилась краткая история земельных операций почти каждого собственника, и затем отмечались объекты, находившиеся во владении де-факто, но без подтверждающей документации.

Первая книга подобным проникновением в поземельные отношения не отличается. В ней владельческие сказки только упоминаются. Как было сказано, они выступают в роли бесспорного источника информации о населении, пашне и угодьях.

В книге 1678 г. нет ни малейшего упоминания владельческих сказок или крепостей, что очередной раз подтверждает предположение о самостоятельном обходе переписчиками всех дворов при проведении этой переписи.

Итоги переписи

Итоги переписи подводились также различным образом. В книге 1659 г. есть итоговые данные о количестве поселений, дворов, крестьян и бобылей, церквей, мельниц, размере пашни и сенокосов как по каждому владельцу, так и в целом по уезду.

В книге 1668 г. присутствуют только подсчёты по владениям, хотя и более подробно относительно разных категорий населения. Причина, по которой Чернцовы не суммировали результаты по всему уезду, кажется логичной хотя бы относительно пахотной земли, — в силу незнания, как сопоставлять разные единицы измерения площади.

В 1678 г. переписчики показали в конце книги, сколько за каждым владельцем числится дворов, уже зафиксированных в платёжных книгах, и сколько «наличных прибыльных». По первым наблюдениям, их сумма для одного владельца соответствует количеству дворов, подробно расписанных в основном тексте книги (в котором, однако, прибыльные дворы никак не марковались). Подведён и общий итог переписи: количество дворов из платёжных книг, число прибыльных, объём собранного «подымного хлеба». Особо отмечено, сколько насчитывается задворных, мастеровых людей, мельников и монастырских служек [\[15, л. 128об.\]](#), т. е. тех, с кого, по всей видимости, хлеб не собирали.

Можно ли доверять итоговым подсчётам? — В идеале добросовестная работа переписчиков предполагала внимательное переписывание текста сказок, отсутствие при этом злого умысла и безошибочный подсчёт итогов. Но, по мнению Я. Е. Водарского, механические ошибки могли приводить к искажению финальных цифр до 10% на уровне уезда, а в мелких административно-территориальных единицах удельный вес ошибок мог достигать нескольких десятков процентов [\[22, с. 25–26\]](#). Впрочем, есть возможность уменьшить эту долю за счёт суммирования первичных данных.

Кроме того, на итоги переписи могло повлиять сознательное искажение в сказках числа

дворов и тяглецов или именование крестьян бобылями или задворными людьми. Безусловно, больше смысла было в утайке дворов (единицы обложения), а не людей, и уменьшение итогового количества населения в книгах не должно быть значительным. К примеру, относительно 1678 г. Я. Е. Водарский считал максимальную степень утаивания людей равной 25% [\[22, с. 53\]](#).

Заключение

Переписные книги Дорогобужского уезда отразили специфику послевоенной Смоленщины и различный подход переписчиков, а, значит, и государства, к делу. В 1659 г. в условиях войны стояла задача обеспечить лояльность местной шляхты путём закрепления хотя бы части земель за ней, поэтому описание проводилось без внимания к деталям. В 1668 г., наоборот, была осуществлена подробнейшая фиксация состояния земельных владений и населения, и её результат впоследствии стал юридической основой эволюции землевладения в регионе. В 1678 г., когда земельные отношения должны были обрести минимальную устойчивость, центральная власть акцентировала внимание на количестве податного населения, старого и вновь прибывшего.

Тексты переписных книг демонстрируют ещё слабое знакомство государства с особенностями местного землевладения и в то же время нежелание разрушать эту специфику. Указанные книги сами отличаются своеобразием: они не имеют отношения к общероссийским подворным переписям или второму «валовому письму», а сочетают в себе черты «классических» писцовых и переписных книг.

Массив данных источников не сразу поддаётся полной формализации, поскольку содержит самые разнообразные и не всегда регулярно сообщаемые сведения о неустойчивом административно-территориальном делении уезда, о довольно пёстрой группе землевладельцев (основу которой составляли смоленские шляхтичи), о категориях и численности весьма подвижного податного населения, о земельных и лесных угодьях, зафиксированных в не знакомых русским переписчикам единицах.

Структура книг построена на основе локаций — обособленных жилых и нежилых объектов, связанных с участками земли, имеющими хозяйственное значение. Выявление этих базовых единиц описания позволяет провести систематизацию всего объёма данных переписных книг.

Сравнение выявленной информации открывает возможности исследования динамики количества и состава землевладельцев, их социальной принадлежности и самоидентификации, эволюции шляхетского (в том числе женского), казачьего и церковного землевладения, появления помещичьих владений в Дорогобужском уезде во время и после русско-польской войны 1654–1667 гг. Упорядоченная информация о локациях должна быть перенесена в геоинформационную систему, работа с которой поможет точнее судить об административно-территориальном делении уезда и проследить процесс перераспределения земельной собственности на его территории.

Переписные книги могут оказать помощь в изучении смежных тем, таких как динамика численности и структуры податного населения, поземельные отношения землевладельца, крестьянской общины и низшего духовенства, антропонимия разных социальных слоёв, топонимия и гидронимия в пограничном регионе.

Всё вышесказанное указывает на значительный информационный потенциал рассмотренных источников для комплексного исследования включения Дорогобужского уезда в российское социально-экономическое пространство второй половины XVII в.

Использование переписных книг в сочетании с другими видами источников может приблизить исследователя к пониманию сути интеграции Смоленской земли в Московское государство.

Библиография

1. Шпиленко Д.П. Смоленская шляхта как территориально-служилая организация (1654–1765 гг.): землевладение и военная служба // Край Смоленский. 2015. № 12. С. 23–28.
2. Богословский М.М. Смоленское шляхетство в XVIII веке // Журнал Министерства народного просвещения. 1899. № 3. С. 25–61.
3. Курбатов О.А. Неизвестная армия царя Алексея Михайловича: шляхта Великого княжества Литовского на царской службе во время войны России с Речью Посполитой 1654–1667 гг. // Смута в России и Потоп в Речи Посполитой: опыт преодоления государственного кризиса в XVII столетии. Материалы российско-польской научной конференции. Москва, 24–26 октября 2012 г. М., 2016. С. 293–308.
4. Курбатов О.А., Прудовский П.И. Шляхта и воинские подразделения Великого княжества Литовского на царской службе в 1654–1667 гг. // Россия и белорусские земли в XVII – первой половине XVIII в.: сборник документов. Т. II: 1654–1667 гг. М., 2025. С. 234–250.
5. Мальцев А.Н. Россия и Белоруссия в середине XVII века. М., 1974. 256 с.
6. Флоря Б.Н. Русское государство и его западные соседи (1655–1661 гг.). М., 2010. 656 с. EDN: QPQYWV.
7. Водарский Я.Е. Количество крестьян, помещиков и пашни на Смоленщине во второй половине XVII века // Вопросы аграрной истории Центра и Северо-Запада РСФСР. Материалы межвузовской научной конференции. Смоленск, 1972. С. 79–87.
8. Водарский Я.Е. Дворянское землевладение в России в XVII – первой половине XIX в. М., 1988. 303 с. EDN: RXBACV.
9. Степанова Ю.В. Бельские волости в XVI–XVII вв.: историко-географическая характеристика региона на западном рубеже Русского государства // Genesis: исторические исследования. 2023. № 10. С. 32–40. DOI: 10.25136/2409-868X.2023.10.68730 EDN: PUDMJN URL: https://nbpublish.com/library_read_article.php?id=68730
10. Степанова Ю.В. География землевладения в Бельском уезде в XVI–XVII вв.: реконструкция в ГИС // Историческая информатика. 2025. № 1. С. 190–208. DOI: 10.7256/2585-7797.2025.1.73990 EDN: QHCTEN URL: https://nbpublish.com/library_read_article.php?id=73990
11. Курмановский В.С. Гнёздово и окрестности в XI–XVIII вв.: историко-археологический очерк // Гнёздовский археологический комплекс: Материалы и исследования. Вып. 1. М., 2018. С. 242–267.
12. Французова Е.Б. Переписные книги Смоленской земли второй половины XVII – начала XVIII вв. как источник по истории народонаселения // Проблемы исторической демографии СССР. Томск, 1980. С. 251–258.
13. Российский государственный архив древних актов (РГАДА). Ф. 1209. Оп. 1. Ч. 1. Д. 290. Л. 592–747.
14. РГАДА. Ф. 1209. Оп. 1. Ч. 1. Д. 636.
15. РГАДА. Ф. 1209. Оп. 1. Ч. 1. Д. 922. Л. 1–128об.
16. Мерзон А.Ц. Писцовые и переписные книги XV–XVII веков. М., 1956. 33 с.
17. Милов Л.В., Булгаков М.Б., Гарскова И.М. Тенденции аграрного развития России первой половины XVII столетия. Историография, компьютер и методы исследования. М., 1986. 301 с. EDN: SBRVCP.
18. Хитров Д.А. Писцовые книги XVII века. Материалы для лекционного курса

- "Источниковедение проблем истории России до начала XIX века" // Города и люди старой России. К юбилею профессора Н.В. Козловой. М., 2023. С. 283-296. EDN: EILPBP.
19. Богословский М.М. Приказы Великого княжества Литовского и княжества Смоленского в Московском государстве // Журнал Министерства народного просвещения. Новая серия. 1906. № 8. Отд. 2. С. 220-242.
20. Французова Е.Б. Карта административно-территориального деления Смоленщины второй половины XVII в. // Проблемы исторической географии России. Вып. III. Вопросы исторической картографии и картографического источниковедения. М., 1983. С. 73-87.
21. Смоленщина в документах Литовской метрики первой половины XVII в. Владельцы и их маестности / Авт.-сост. В. А. Прохоров. Смоленск, 2017. 544 с.
22. Водарский Я.Е. Население России в конце XVII – начале XVIII века. М., 1977. 265 с. EDN: RYKTFJ.
23. Петров К.В. Некоторые виды земельной собственности и система русского права до начала XVIII в. Прожиток // Российское государство в XIV-XVII вв.: Сборник статей, посвященный 75-летию со дня рождения Ю. Г. Алексеева. СПб., 2002. С. 115-153.
24. Флоря Б.Н. Государство и церковь на Руси в последней трети XVII в. // Лекции по русской истории. М., 2021. С. 525-533.
25. Курбатов О.А. Русско-польская война 1654–1667 гг. М., 2019. 388 с. EDN: GRQMNQ.
26. Милов Л.В. Писцовое делопроизводство (XV-XVII вв.) // Источниковедение истории СССР. 2-е изд. М., 1981. С. 120-134.
27. Полное собрание законов Российской империи (ПСЗ). Собр. 1. Т. 3. № 1640.
28. ПСЗ. Собр. 1. Т. 20. № 15078.

Результаты процедуры рецензирования статьи

В связи с политикой двойного слепого рецензирования личность рецензента не раскрывается.

Со списком рецензентов издательства можно ознакомиться [здесь](#).

Когда в эпоху Перестройки на волне крушения официальной коммунистической идеологии были сняты многие прежние идеологические барьеры, книжный рынок наводнила литература на историческую тематику, в рамках которой поднимались прежде запретные темы (репрессии, Троцкий и т.д.). Однако, погоня за коммерциализацией привела к росту сенсационного материала, к подаче исторических фактов с запредельной долей претенциозности. Именно поэтому чрезвычайно важно для рассмотрения событий прошлого опираться на проверенные исторические источники. Указанные обстоятельства определяют актуальность представленной на рецензирование статьи, предметом которой являются переписные книги Дорогобужского уезда 1650-1670-х годов. Автор ставит своими задачами рассмотреть цели проведения переписей, показать внутренние административно-территориальные единицы Смоленской губернии, раскрыть данные переписей и их итоги.

Работа основана на принципах анализа и синтеза, достоверности, объективности, методологической базой исследования выступает системный подход, в основе которого находится рассмотрение объекта как целостного комплекса взаимосвязанных элементов. Научная новизна статьи заключается в самой постановке темы: автор стремится охарактеризовать информационный потенциал рассмотренных источников для комплексного исследования включения Дорогобужского уезда. Научная новизна определяется также привлечением архивных материалов.

Рассматривая библиографический список статьи, как позитивный момент следует отметить его разносторонность: всего список литературы включает в себя до 30 различных источников и исследований. Источниковая база статьи представлена прежде

всего документами из фондов Российского государственного архива древних фактов, а также опубликованными документами из Полного собрания законов Российской империи. Из используемых автором исследований отметим труды Д.П. Шпиленко, М.М. Богословского, Е.Б. Французовой, в центре внимания которых находятся различные аспекты изучения истории Смоленского региона. Заметим, что библиография статьи обладает важностью как с научной, так и с просветительской точки зрения: после прочтения текста статьи читатели могут обратиться к другим материалам по ее теме. В целом, на наш взгляд, комплексное использование различных источников и исследований способствовало решению стоящих перед автором задач.

Стиль написания статьи можно отнести к научному, вместе с тем доступному для понимания не только специалистам, но и широкой читательской аудитории, всем, кто интересуется как землевладением на Руси, в целом, так и в Смоленском регионе, в частности. Апелляция к оппонентам представлена на уровне собранной информации, полученной автором в ходе работы над темой статьи.

Структура работы отличается определенной логичностью и последовательностью, в ней можно выделить введение, основную часть, заключение. В начале автор определяет актуальность темы, показывает, что «переписные книги Дорогобужского уезда отразили специфику послевоенной Смоленщины и различный подход переписчиков, а, значит, и государства, к делу». В работе показано, что «массив данных источников не сразу поддается полной формализации, поскольку содержит самые разнообразные и не всегда регулярно сообщаемые сведения о неустойчивом административно-территориальном делении уезда, о довольно пёстрой группе землевладельцев (основу которой составляли смоленские шляхтичи), о категориях и численности весьма подвижного податного населения, о земельных и лесных угодьях, зафиксированных в не знакомых русским переписчикам единицах». Автор отмечает, что «сравнение выявленной информации открывает возможности исследования динамики количества и состава землевладельцев, их социальной принадлежности и самоидентификации, эволюции шляхетского (в том числе женского), казачьего и церковного землевладения, появления помещичьих владений в Дорогобужском уезде во время и после русско-польской войны 1654–1667 гг.».

Главным выводом статьи является то, что «использование переписных книг в сочетании с другими видами источников может приблизить исследователя к пониманию сути интеграции Смоленской земли в Московское государство».

Представленная на рецензирование статья посвящена актуальной теме, вызовет читательский интерес, а ее материалы могут быть использованы как в курсах лекций по истории России, так и в различных спецкурсах.

В целом, на наш взгляд, статья может быть рекомендована для публикации в журнале «Исторический журнал: научные исследования».